

ПОДГОТОВКА К ЭКСПЕДИЦИИ

Экспедиционный опыт у В.Г. Кузнецовой в силу ее «непрофильного» образования отсутствовал. Обучение на историческом факультете не предусматривало специальной подготовки к полевой работе, которой, как известно, уделяли особое внимание Л.Я. Штернберг и В.Г. Богораз на этнографическом факультете Географического института, этнографическом отделении географического факультета Ленинградского университета и в Институте народов Севера. Этой прочной базы профессионального этнографа у В.Г. Кузнецовой не было. Ее долгосрочной экспедиции на Чукотку не предшествовали полевая этнографическая практика — «каникулярные экскурсии» студентов-этнографов и доскональное обсуждение на семинарах курса полевой этнографии приобретенного полевого опыта, достижений и просчетов. Она могла лишь пользоваться накопленным коллективным опытом ведения полевой работы — «сводкой инструкционного курса по полевой этнографии» [Макарьев 1928: 3].

Замечу, что предупреждение В.Г. Богоразы, приведенное в упомянутом руководстве С.А. Макарьева, оказалось для

В.Г. Кузнецовой провидческим: «Молодые экскурсанты часто выбирают районы далекие и малоизвестные, где работа для них совершенно непосильна. <...> Начинаящему этнографу особенно важно выбрать район подходящий, соответствующий не только умению, знанию, но даже и вкусу работника» [Макарьев 1928: 9].

Отдел (сектор) Сибири, к которому для прохождения аспирантуры была прикреплена В.Г. Кузнецова, в эти годы деятельно поддерживал и развивал традиции Ленинградской этнографической школы. Здесь работали ученики Л.Я. Штернберга и В.Г. Богораза, получившие образование на этнографическом отделении Ленинградского университета в 1920-е годы и в Институте народов Севера в 1930-е годы, уже состоявшиеся исследователи: Леонид Павлович Потапов¹, Андрей Александрович Попов, Екатерина Дмитриевна Прокофьева, Сергей Васильевич Иванов, Валентина Васильевна Антропова, Надежда Петровна Дыренкова. Здесь осуществлялась живая передача знаний о полевой работе, собственном полевом опыте. Четыре с лишним года, проведенные в этом коллективе, несомненно, имели очень большое значение для предстоящей экспедиционной работы.

К подготовке аспирантки был привлечен Иннокентий Степанович Вдовин. В 1946 г. он вернулся из эвакуации в Ленинград и приступил к работе на Восточном факультете Ленинградского государственного университета (Северное отделение) и в Секторе языков народов Севера Института языка и мышления им. Н.Я. Марра (позже — Институт языкознания АН СССР). Сотрудником Института этнографии в ту пору он не был, поэтому был привлечен в качестве научного консультанта. На деле же был, надо думать, именно научным руководителем. И лучшего научного руководителя трудно было себе представить. И.С. Вдовин был к этому времени признанным специалистом по истории и этнографии чукчей². Он хорошо (теоретически и практически) знал чукотский язык, который он начал изучать еще под руководством В.Г. Богораза. У него был боль-

1 В 1943–1946 гг. докторант института, а затем заведующий сектором Сибири.

2 Осенью 1941 г. в осажденном Ленинграде И.С. Вдовин защитил кандидатскую диссертацию «Русско-чукотские отношения XVII–XIX веков».

шой опыт полевой работы на Чукотке. «По побережью Ледовитого океана, от залива Лаврентия до Чаунской губы, я проехал на собаках через все имевшиеся там населенные пункты оседлых чукчей», — писал И.С. Вдовин в автобиографии. — Перекочевки с оленеводами дали возможность ближе ознакомиться с бытом чукчей. Тесная связь с кочевым народом, участие в жизни стойбищ были лучшей школой для познания языка и культуры этого народа [Вдовин 2008: 48].

Надо полагать, при непосредственном участии И.С. Вдовина для исследования была выбрана именно амгуэмская группа чукчей. К началу 1950-х годов на Чукотке сложилась своеобразная обстановка. В ту пору на обширнейшей внутренней территории округа еще не были сформированы органы государственного управления. В предвоенные годы советской властью осваивались в основном самые доступные прибрежные и восточные районы и долина реки Анадырь. Здесь строились и расширялись административные центры, школы, фактории, радиостанции, а добраться до глубинных районов округа тогда не было средств и возможностей. И в отдаленных местах, в горах и тундрах, в сотнях километров от берега моря и населенных пунктов чукчи продолжали сохранять традиционный уклад жизни. Одной из таких групп были амгуэмские чукчи, кочевавшие по всей долине Амгуэмы и в ее малодоступных верховьях [Андронов 2008: 102].

Один из основных постулатов Ленинградской этнографической школы — длительная стационарная экспедиционная работа, т.н. «этнографический год» (лето + зима + лето) [Богораз 1930: 3], включая 2–3 месяца на вживание в этнографическую среду. Соответственно этому неременному требованию для аспирантки В.Г. Кузнецовой планировалась достаточно длительная экспедиция. Конкретные сроки полевой работы несколько раз менялись и уточнялись. В аспирантском плане В.Г. Кузнецовой сначала предусматривалась годичная научная командировка на Чукотку с весны 1947 г. [Кузнецова 1944–1956: 14]. Затем (вероятно, в связи с возникшей возможностью включиться в работу Чукотской комплексной экспедиции Института этнографии АН СССР) ей была предложена двухлетняя экспедиция (1947–1949 гг.) с перерывом обучения в аспирантуре [Кузнецова 1944–1956: 13]. На деле В.Г. Кузнецова провела на

Чукотке ровно три года (с августа 1948 по август 1951 гг). В связи с этим срок пребывания в аспирантуре несколько раз продлевался. Сначала В.Г. Кузнецовой был предоставлен годичный отпуск с 20.2.1948 по 20.2.1949 гг. в связи с участием в работах Чукотской экспедиции. Затем срок пребывания в аспирантуре был продлен до 1 апреля 1950 г. в связи с продолжением научно-исследовательской работы на Чукотке, наконец, особым распоряжением пребывание в аспирантуре было продлено до 1 января 1951 г.

Экспедиционный выезд В.Г. Кузнецовой формально был причислен к Чукотской комплексной экспедиции Института этнографии АН СССР, которая была частью более широкого экспедиционного проекта — Северо-Восточной комплексной экспедиции, организованной в 1945 г. Институтом этнографии АН СССР совместно с Институтом истории материальной культуры АН СССР¹. Центральной темой исследований экспедиции были заявлены древнейшие связи Северо-Восточной Азии и Северной Америки и первоначальное заселения американского континента.

Идея организации новой масштабной комплексной экспедиции, которая должна была продолжать, развивать и расширять исследования Северо-Тихоокеанской экспедиции Джезупа, организатором и руководителем которой выступил куратор отдела антропологии Американского музея естественной истории в Нью-Йорке Франс Боас, принадлежала еще В.Г. Богоразу. В последние годы своей жизни он работал над составлением плана экспедиции, который предусматривал (среди прочего) проведение серьезных археологических изысканий, что должно было значительно расширить исследовательскую базу, созданную Джезуповской экспедицией и, таким образом, способствовать разрешению вопросов о времени и путях заселения Америки. Эта амбициозная задача требовала более широких и профессиональных антропологических исследований. Не случайно ведущую роль в Северо-Восточной комплексной экспедиции играли именно физические антропологи Г.Ф. Дебец и М.Г. Левин.

¹ Институт истории материальной культуры, переведенный в 1943 г. из Ленинграда в Москву, в 1956 г. был переименован в Институт археологии АН СССР.

Общее руководство Чукотской комплексной экспедицией осуществлял д.б.н. Г.Ф. Дебец. Задачей этой экспедиции являлось антропологическое, археологическое и этнографическое изучение Чукотского полуострова. Рекогносцировочный отряд в составе начальника экспедиции Г.Ф. Дебца и сотрудника Института художественной промышленности И.П. Лаврова в 1945 г. работал на Чукотке, проводя археологическую разведку на побережье. Параллельно с И.П. Лавровым, работавшим в районе поселков Нунлигран и Энмылен, археологические работы по поручению Ленинградского отделения Института истории материальной культуры АН СССР проводил С.И. Руденко, который обследовал практически все побережье Чукотки от мыса Дежнева на Северо-Востоке до мыса Якун на Юго-Западе¹. В 1945–1947 гг. Г.Ф. Дебец изучал различные группы эскимосов, чукчей, коряков, эвенов и ительменов Камчатской области².

Этнографическую составляющую комплексной экспедиции на первом этапе и должна была обеспечить В.Г. Кузнецова. Ее экспедиционные исследования продолжали работу В.Г. Богораза в русле широких задач Северо-Тихоокеанской экспедиции Джезупа, а также, разумеется, в соответствии с политикой советской власти, они должны были способствовать дальнейшему изучению народов Севера для задач социалистического строительства.

Все возможные консультации теоретического, методологического, практического характера В.Г. Кузнецова могла получить и, несомненно, получила и от И. С.Вдовина, и от опытных полевых исследователей Е.Д. Прокофьевой, А.А. Попова, Г.М. Василевич³ (рис. 3).

За время обучения в аспирантуре В.Г. Кузнецова освоила необходимую литературу, была знакома с материальной культурой чукчей по музейным коллекциям. Специальные дисциплины, которые должна была изучать аспирантка (помимо кан-

1 Результаты первого археологического обследования побережья Чукотки были оперативно опубликованы С.И. Руденко уже в 1947 г. [Руденко 1947].

2 В 1951 г. по материалам экспедиции была издана монография [Дебец 1951].

3 Г.М. Василевич в 1947–1948 гг. провела две длительные стационарные экспедиции в южные районы Якутии и Хабаровского края. Но в феврале 1948 г. она на несколько месяцев вернулась в Ленинград.

Рис. 3. В.Г. Кузнецова, А.А. Попов и Г.М. Василевич за разборкой сибирских коллекций. 1945 г. МАЭ РАН. И 1376-33

дидатского минимума), включали этнографию, археологию, антропологию. Знание языка народа, исследованием которого предполагал заниматься ученый, было неперенным требованием Ленинградской этнографической школы. Соответственно программа аспирантской подготовки предусматривала изучение чукотского языка. У В.Г. Кузнецовой был хороший преподаватель — И.С. Вдовин. На Чукотку она прибыла, вооруженная «Букварем» И.С. Вдовина, но ни понимать чукотскую речь, ни говорить самой хоть в малой степени она еще не могла. Впрочем, для начинающего исследователя в те годы самостоятельное освоение языка в поле было обычной практикой. Такой опыт имели и сам И.С. Вдовин, и Е.Д. Прокофьева, и многие другие.

Немаловажное значение, как выяснится позже, имела и практическая подготовка экспедиции, в частности полевая экипировка и оборудование. Все необходимые в экспедиции вещи были упакованы в чемоданы и «экспедиционные ящики». В ящике с «канцелярией» лежали письменные принадлежности, запас тетрадей для дневников, свечи, а также книги. В дневниках, помимо «Букваря» И.С. Вдовина, упоминаются «Чукчи» В.Г. Богораза и «Семья и род у народов Северо-Восточной Азии» Л.Я. Штернберга. В.Г. Кузнецова читала и перечитывала эти

книги, делала из них выписки в свои полевые дневники, продолжая и в экспедиции освоение «нормативной» этнографической литературы по специальности.

Из экспедиционной одежды в полевых дневниках упоминаются ватные куртка («телогрейка») и брюки, лыжные (вероятно, байковые) штаны и куртка, гимнастерка, употреблявшаяся наряду с мужскими кальсонами и нижней рубашкой в качестве белья. Институт снабдил В.Г. Кузнецову также «кукулем» (спальным мешком из меха) и полушубком из белой овчины. Этот «институтский полушубок», как называла его В.Г. Кузнецова, со временем был употреблен на отделку подола и обшлагов рукавов чукотской одежды из оленьего меха, которую носила В.Г. Кузнецова в экспедиции. Более практичное применение, кстати, нашел и ватник. Из его рукавов был сшит футляр для фотоаппарата и экспонометра. Были еще некие «японские рукавицы», от которых В.Г. Кузнецова отрезала «напалечник» и одевала их поверх меховых чижей в свои торбазы. В дневниках фигурирует также маска для лица, которую В.Г. Кузнецова надевала в самые отчаянные холода и которая очень смешила чукчей. Взяла она с собой в поле и такую «нужную» вещь, как крепдешиновая косыночка, которую пришлось заменить на а'ноквын — меховой нагрудник.

Фотооборудование. Пленочные негативы, размером 6×6 см, позволяют говорить о том, что пользовалась В.Г. Кузнецова, по всей вероятности, фотоаппаратом «Комсомолец» (двухобъективная зеркальная фотокамера, выпускавшаяся в 1946–1951 гг. Государственным оптико-механическим заводом (ГОМЗ), позже известном как Ленинградское оптико-механическое объединение (ЛОМО). В аппарате использовалась пленка типа 120 (рольфильм), неперфорированная, в катушках без кассеты. Хранилась пленка в железном ящике, для которого в экспедиции В.Г. Кузнецова сшила меховой чехол. Выдержка и диафрагма выставлялись вручную, для чего требовался экспонометр. Для улучшения качества фотографий в экспедицию был взят штатив.

В отдельном ящике хранились лекарства: от порезов — кровоостанавливающий «белый карандаш с немецкой этикеткой», борный и нашатырный спирт, сода, стрептоцид, таблетки белладонны с салолом (от пищевых отравлений), порошок

«Миграфен» (противовоспалительное средство), глазные цинковые капли, лекарство от кашля — пектусин Вальда, а также сульфидин, который В.Г. Кузнецова принимала при сильной простуде.

В.Г. Кузнецова запаслась разнообразными предметами, предназначенными для обмена, подарков, оплаты за услуги. Это были дешевые украшения (бусы, кольца, браслеты, серьги), бусины и бисер, зеркальца, иголки, наперстки, булавки, лоскуты и ленты цветного ситца, «морские» и медные пуговицы, значки с изображением В.И. Ленина, красные звездочки, какие-то «железки» (как писала она сама) и т.д.

Кроме того, имелся рюкзак («наплечный мешок»), кожаный портфель («еще ленинградский портфель»), папка с тетрадями и картами, полевая сумка. В полевой сумке В.Г. Кузнецова хранила, кроме всего прочего, личную посуду: ложку и эмалированную кружку.